

Андрей Бычков

Гуллiver
и его
любовь

Андрей Бычков Гулливер и его любовь

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=317122
Гулливер и его любовь: Гелеос; 2006
ISBN 5-8189-0723-6

Аннотация

У романа выверенная и смелая драматургия, шокирующая фабула. Не случайно, что написан он известным сценаристом и писателем Андреем Бычковым, обладателем трех международных призов за сценарии (фильм «Нанкинский пейзаж», реж. В.Рубинчик, 2006, Спецприз XXVIII МКФ и Главный приз IV МКФ «Восток-Запад»). Сюжет: двое по-своему несчастных влюбленных, у каждого из которых своя история (она проститутка, а он игрок), случайно встречаются «на панели». Они незнакомы друг с другом, но решают совершить двойное самоубийство... А в результате становятся «прекрасными убийцами».

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	5
3	7
4	9
5	13
6	15
7	17
8	18
9	22
10	23
11	25
12	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Бычков

Гулливвер и его любовь

Часть 1

1

Негр сидел, упираясь мизинцем в стекло. Такси тронулось и поехало. Евгений посмотрел ему вслед. Теперь он стоял, засунув руки в карманы.

Манекены на улицах, манекены в витринах, нарисованные гуашью глаза.

«Ман Рей фотографировал таких еще в двадцатых...»

Москва, высвеченная в неон, модная, иностранная, вся в рекламе с призрачными огнями автомашин. И на фоне заката, черным, сталинские высотки.

Он вынул Pall Mall и закурил. Мимо спешили подростки. «I hate myself and I want to die¹» – было написано у одного из них на спине. Другой подросток кричал, выбрасывая пальцами «козу»: «Банчило, так это же наш бабл!²»

Он наступил на отброшенный снег, вспоминая негра в фиолетовой беретке, его вывернутый мизинец с длинным ногтем, странный взгляд и то, как тронулась кабина, исчезая среди мириадом других кабин. Загорелась реклама «Night club», фиолетовым золотом рассыпалась неоновая жар-птица. И на низкой деревянной тележке к нему подкатила красивая молодая женщина без ног, жалостливо заглядывая в глаза.

«Как попросит, так и дам».

Она что-то бессмысленно промычала, он промолчал и она покатила дальше, нагибая свою маленькую спину с коротким грязным рюкзачком.

«Вот она, твоя последняя любовь», – усмехнулся он, словно бы бросая ей вслед золотые монеты – пфенниги, шиллинги и рубли.

Когда она скрылась из виду, он щелчком выстрелил сигарету. Окурочок полетел по огненной дуге и разбился на искры о лобовое стекло пронсящего мимо автомобиля. Евгений запахнул полы своего замшевого плаща и двинулся дальше.

---

¹ Я ненавижу себя и хочу умереть (англ.)

² Банчило – торговец наркотиками, бабл – деньги; жаргон (прим. автора)

2

Так он и шел – немолодой уже человек с опытом разочарований и тоски, исполненный чувств несовершенства мира.

Мир давно уже разъезжался по швам и смысл его Евгению по-прежнему не был ясен. Последняя попытка – разбогатеть, играя в «Форексе» на разнице валют. А все вопросы о смысле пора растворять в интернете, просто набирая в «искалке». Так, вместо Бога там можно найти адреса многочисленных религиозных конфессий и сект, а вместо любви – брачные объявления или мэйлы проституток с откровенными иллюстрациями: сиськи-письки с наезжающими на них штативами, неожиданный ракурс, удачное и смелое освещение, и, конечно же, непрерывное совершенствование качества переданных в электронном виде фотографий.

В переходе играли рок. Кого-то били по лицу, но вмешиваться не хотелось. Да и не время было вмешиваться.

Контрабасист пел, лабая по струнам всей пятерней, пристукивая кедами по кафельной плитке. «Don't leave me baby, don't leave³». Лицо шло на удар в каком-то слепом экстазе и разбивалось вдребезги. Контрабасист идиотически, радостно улыбался, глядя проходящим мимо в глаза и некоторым даже недвусмысленно подмигивал.

Евгений вдруг ощутил к нему зависть. И даже к тому, кто теперь сидел, пьяно смеясь и рыдая в углу, размазывая кровавые сопли.

– Э-ээ, ты чё? – наклонился контрабасист к какой-то пьяной девчонке, отставляя в сторону свой инструмент. – Вальты прилетели? Чё, катют, гуляют? – он взял у нее бутылку и отхлебнул. – Да плюнь ты, шелкни носом и скажи ей своей депрессии, я сделаю из тебя алмаз. Да, из соплей своих алмаз, из говна своего алмаз! Во, посмотри на меня. Вот они мы, новые герои – насмешливые и прозрачные! Да во Колян...

– Ка-акой ещ-ще, блин, Кол-лян? – попыталась подняться она.

Контрабасист кивнул на парня с разбитой мордой и усмехнулся торжественно:

– Из него сделали Ника. И Ник теперь будет отражать солнце. Был Колян, а стал Ник. Поняла, нет? Вот так, поняла? – он снова хлебнул. – Жрать витамины – а, бэ, цэ, дэ и е-двенадцать. Ха-ха! Слышь, – он вдруг наклонился и понизил голос, – у меня винт – суперский, всего пятьдесят баксов за дозу...

Евгений вдруг отчетливо увидел его руку. Желтоватые мозоли на подушечках пальцев, блестящие с металлическим налетом ложбинки от струн, как будто они, эти пальцы собирались что-то зажать сейчас и на лице этой девчонки, извлекая какой-то новый, раньше неслышанный звукизвлекая какой-нибудь иво ое —. Он отвернулся и пошел дальше.

Шуршащие шины автомашин. Гудение громадного безличного механизма. Реклама – мерцание прославляющих себя стен.

Он усмехнулся:

«А Ник теперь отражает солнце... Колян там по старой русской привычке все ссал в себя, срал, как водолаз, зато Ник будет сгонять вес на тренажере, и париться в сауне. Колян этот, наверное, вечерами все еще пытался читать Бердяева или Леонтьева, зато Ник уж точно будет обсуждать в ток-шоу Дерриду. Колян Ника, конечно, ненавидит. А Ник Коляна презирает. Но ведь так только до тех пор, пока они не догадаются, что баян-то⁴ у них общий».

Он нащупал и сжал в кармане денежные купюры, теплые от своего же собственного тепла.

---

³ Не оставляй меня, детка, не оставляй (англ.)

⁴ Шприц; жаргон (прим. автора)

«Как это сказано у Беньямина – капитал освобождает не желания, капитал освобождает лишь сам себя?».

И вспомнил бродягу, которого видел пару дней назад в вагоне метро. Тот откровенно ворочал рукой в своем мелком кармане, прижимаясь к какой-то пьяной девке. Их искривленные гримасой сладострастия лица. Рай, проступающий на брюках бродяги грязным и мокрым пятном.

«А теперь, *Чина*, чтобы опрокинуть всеобщее», – подумал, вынимая купюры, и остановил желтое с шашечками такси.

Авто поплыло среди других авто.

«Когда-то, *Чина*, купив мотоцикл, старый четырехцилиндровый «Харлей Дэвидсон», и, едва выехав со двора, я хотел сразу же разогнаться... И было что-то неумолимое и даже издевательское в том, как, зажатый со всех сторон, я уперся в заднее крыло какой-то «волги», и потащился за ней, отставая даже от пешеходов...»

Проститутки стояли на Тверской, но он решил взять после Водного, там, на троллейбусной остановке. Евгений знал этот поворот.

«После Водного, – сухо усмехнулся он сам в себе. – Пока не мелькнет опора моста. После железной дороги надо постараться стать адекватным, чтобы не ошибиться в выборе...»

Он откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

3

– Остановите вот здесь.

Машина затормозила. Вращая ручку, он опустил стекло. Девочки стояли, кто игриво, кто нагло предлагая себя. Почти незаметные жесты. Было что-то зловещее в этом укрупненном, замедленном, как на экране, мгновении, когда ничего еще не было.

«Ты уже знаешь и в то же время не знаешь. Соблазн воображений. Невинная и изначально порочная свобода выбора... Ну же, почему ты сейчас-то не можешь стать хоть ненадолго насмешливым и злым? Возвеселиться духом и телом, раз никакой любви больше нет».

– Что хочет господин?

«Господин...» – он усмехнулся, разглядывая их.

«Почему невозможна жизнь без пизды? Почему нельзя самому себе засунуть? Изогнуться, изощриться и стать наконец самодостаточным. Как андрогин. Или как тот бомжара... А все эти анютины глазки, кошки, собаки... Может быть, взять вон ту, будет скулить... довести до изнеможения... Тогда уж лучше вот эту – заколоть ее в ее же сало. Или ту, – он продолжал разглядывать их как в кино, – почти ребенок, Дюймовочка. Надевать, поддерживать одной рукой, пространно прохаживаясь по комнатам, и дирижируя другой. Задумчиво вслушиваясь в то, как она визжит... Музыка Гайдна... Да, надевая, натягивая до конца, пока она не разорвется от своего же визга. А зачем ты полезла на этот железный крест?.. Или вон ту... Удмуртка... Просто прибить к стене, широко раскинув ей ляжки, чтобы никогда не смогла сдвинуть обратно. Никогда... Наказанная своим удмуртским богом».

– Вы как? Остановились или как?

Он вздрогнул. Спросил:

– Сколько за час?

– Это зависит от желаний, – хрипло усмехнулась одна. – Классика, анал, госпожа...

– И от территории, – добавила другая.

Он посмотрел на эту другую. Длинные женщины – иногда и с ними можно протягивать. Но у этой совсем не было груди. Он представил себе это плоское протянутое наслаждение.

«Хотя и плоские иногда могут складываться в зигзаг. Но эта – вряд ли... В ее глазах – тоска».

Евгений хотел было уже повернуться к шоферу и сказать: «Поехали дальше». О, это «поехали дальше»! Да, не останавливаться. Но тогда это будет просто смешно. И рано или поздно придется, как тот бомжара...

И тут он заметил, увидел этот ненавидящий взгляд, взгляд, исполненный ненависти и презрения.

Она шла от машины сутенера, шла не спеша. Такси стояло здесь уже давно и она могла подумать, что торг окончен. Высокая блондинка с короткой стрижкой, какие-то странные, слегка водянистые, замершие глаза, резко обведенные фиолетовой тушью... В кончиках тонких мелко дрожащих пальцев она держала погасшую сигарету. И в этой ненависти, с какой она на него посмотрела, он прочел... что он прочел?

Она остановилась за спинами других, медленно поднесла сигарету к губам, едва справляясь с почти незаметной дрожью, хотела затянуться и вдруг отбросила. Как будто того, чего не было, и в самом деле нет.

«А будет только то, что будет», – подумал он, вглядываясь в ее длинный и острый ноготь. И неслышно она словно бы сказала только ему одному:

«Я же знаю, что ты любишь боль».

«И отчаяние», – также неслышно усмехнулся и он.

«Так я доставлю тебе эту радость».

Его коснулось предчувствие каких-то запретных наслаждений. И он ощутил в себе желание.

Подошел сутенер с лицом палача, наклонился и что-то сказал ей на ухо. Она усмехнулась, слегка прогибаясь в спине, словно бы для него и только для него, обнажая какую-то свою особенную тайную порочность. Неожиданно резко выпрямилась и, вдруг, как будто бы его и не было, повернулась и пошла вслед за сутенером к его заляпанному грязью «бээмвэ».

И тогда он торопливо и громко ее окликнул.

4

Он давно уже хотел сыграть в эту игру. Оставить какую-нибудь издевательскую записку. «Не ищите меня, поставьте Мусоргского «Ночь на Лысой Горе»». Вот такой финал, когда стихает бесовщина и все становится так чисто и так ясно. Ведь рассвет должен быть тих. Он любил слушать эту пьесу один, лежа на диване, когда Чины не было дома. Бегство от известного – он все еще помнил эту формулу Кришнамурти. Хотя... хотя все чаще сомневался. Прекрасная ложь чудака, и нет иного пути, как растворяться и растворяться, пока не станешь совсем прозрачным. Так, что через тебя станет просвечивать... что? Ну, например, новый мобильный телефон, инструкцию к которому он как-то, матерясь, изучал целых два дня...

Сейчас он вспомнил, как они курили с Чиной в комнате, его последняя попытка «стать реальным». Он даже позволил ей включить телевизор, последняя попытка стать, как все. В отличие от него Чина не испытывала отвращения к телевидению и даже иногда находила его остроумным. В тот раз он хмыкнул что-то на свой лад, что да, мол, телевидение тоже своеобразный буддизм, просто каждый принимает свои каналы. Она засмеялась: «Но выигрывает лишь тот, кто сумеет вовремя переключиться». Он лежал на спине, мелькание розового и голубого на лице лежащей рядом с ним его женщины. Шла реклама легендарного суперсовременного (так было сказано) спектакля по легендарному роману. Но для него реально было лишь лицо Чины, в этих бликах – розовых, зеленых и голубых. Он видел: ее лицо устремлено в экран. Она вдруг сказала, что когда-то давно она уже видела этот спектакль и что он ей не понравился. Ей понравилось лишь то, что в одном из эпизодов актер съел настоящую мышку, но потом у рабочих сцены Чина узнала, что мышка была ненастоящая, она оказалась сделанной из пастилы на кондитерской фабрике «Большевичка». Глядя на лицо Чины и слушая этот ее рассказ, он беззвучно рассмеялся. Ну да, тот самый, когда-то легендарный, в давние еще времена театр. И этот, до сих пор почему-то так любимый всеми проститутками роман с бессмертным эпиграфом из Гете: «Я тот, кто вечно хочет зла и вечно совершает благо». Он повернул голову и вдруг увидел подушку, на которой лежала его голова, не выдержал и рассмеялся. «Почему ты смеешься? – с любопытством спросила Чина. – Я, как всегда, сказала что-то не то?» Он не мог сдержать своего восторга. Но как ей это объяснить? Сказать: «Эта подушка... эти отсветы на твоём лице... телевизор... эта реклама, и эта рассказанная тобой история... и даже этот твой вопрос...» Нет, в чем-то Кришнамурти все-таки прав. Только... только если бы вот так, как сейчас, было всегда. «Нет, все то, все то», – ответил он, прижимаясь к ней, целуя ее в живот и соскальзывая все ниже и ниже...

– Не надо, – сказала проститутка, останавливая его за виски.

– Я просто хотел...

– Не надо, – повторила она.

Евгений поднял глаза и посмотрел ей в лицо.

«Слишком много человеческого».

Он понял, что и он ее пожалеет. Ведь он, похоже, и в самом деле все себе лишь придумывает.

– Я надена сама. Ты не возражаешь?

Он невинно кивнул. Она как-то странно, как ему показалось – стыдливо, разорвала фольгу, достала и зачем-то послунявила.

– Ты, что, в первый раз?

– Нет, это примета.

– Что еще за примета? – усмехнулся Евгений.

Она помедлила.

– Я тебе потом скажу.

Взяла его член и стала аккуратно накатывать латекс кондома, пока не раскатала совсем. Осторожно расправила волосинки.

Он не любил презервативы. Но ведь все вокруг кишит болезнями. Весь мир – сплошная зараза, с которой надо поддерживать равновесие. Они не трогают тебя, а ты их. Или все-таки хочешь попробовать? Как будто за этим касанием из бездны засветится странный свет...

Но ведь однажды он уже ходил сдавать анализы в Габричевского. Навстречу по улице почему-то часто попадались старухи и он боялся, что и в кабинете его встретит одна из них. Старуха-смерть встретит его в кабинете и возьмет пробы из его священного мочеиспускательного канала. Но когда открылась дверь, он увидел очень красивую молодую женщину с поразительно бледным лицом. Она подчеркнуто вежливо и доброжелательно его опросила. Он также вежливо, с интеллектуальным оттенком, ей все рассказал. Как будто бы это был коллоквиум по средневековой стилистике. Этот его абстрактный монолог об абстрактном кризисе. Она вежливо поддерживала разговор, мягко переводя его на инфляцию, он почувствовал себя на своем коньке, хотел было уже рассказать про «форекс» и вдруг заметил у нее на столе роман Каннингема «Часы». Тогда он почему-то спросил, не боится ли она читать эту книгу и что она думает о миссис Деллоуэй? Она не ответила, он почувствовал себя идиотом, не признаваясь себе, что эта женщина-доктор с бледным красивым лицом нравится ему все больше и больше. А она уже одевала белые резиновые перчатки, и наконец сказала, отвечая на его вопрос, что однополая любовь это прежде всего любовь к самому себе. И теперь ее руки уже держали две пробирки с двумя длинными спицами, острые концы которых были упрятаны в мягкие тампоны – тонкий и толстый. Он попробовал возразить, что Деллоуэй все же любила мужчину, но женщина-доктор уже приглашала его жестом за ширму, где стояло, раскинув свои клешни, блестящее гинекологическое кресло. «Нет-нет, – вежливо усмехнулась она. – Просто приспустите белье». Он пробормотал нечто нечленораздельное. «Давайте», – вздохнула она и длинными красивыми пальцами аккуратно взяла головку его члена.

И ввела... Эту первую спицу. Тонкий тампон. Боль была резкая, разрывающая, как будто «нарезали резьбу». Он чуть не закричал. «Ну-ну», – ласково сказала женщина-доктор...

– Э-ээ, куда ты улетел? – засмеялась проститутка.

Латекс сморщился и обвис.

– Ненавижу презервативы.

– Расслабься. Ты, по-моему, слишком серьезно ко всему относишься.

– С чего ты взяла?

– Иди сюда, – она неожиданно стянула кондом. – Не бойся, у меня там все чисто.

И, быстро наклонившись, взяла его, опустившийся было, член в рот. Евгений вздрогнул и закрыл глаза.

«Горячее... нежное и горячее... словно бы путешествующее по огромной горе... Странно, однако. Это... и в чужую голову».

Он все же поймал себя в себе как животное. И слова и образы исчезли.

Вместе с этой поимкой вернулось наконец и его веселое зло. С нарастающим и нарастающим азартом он стал вжиматься в ее большие растягивающиеся губы. И, останавливаясь у самой грани, вышел, чтобы завершить в пизду...

Потом, когда все было кончено, он все же спросил:

– Ты... уверена, что у тебя там все чисто? – спросил он все же ее, когда они уже поджидали сутенера, который должен был снова отвезти ее на угол.

– Да, я недавно сдавала анализы в Габричевского...

«В Габричевского!»

Он всегда удивлялся совпадениям, пытаясь прочесть в них знаки судьбы.

– ...и после этого ты первый, – продолжила она с легким презрением. – А у тебя?

– Можешь не сомневаться, – он посмотрел ей в глаза, вспоминая залеченный антибиотиками хламидиоз. – А ты, что, хотела бы заразиться?

– Что за дурацкий вопрос?

Он налил ей еще вина.

– А какие обычно задают клиенты?

– Они обычно интересуются, было ли и нам хорошо, – усмехнулась она.

– Ну... и?

– Это моя работа. Налей еще.

Он налил ей еще вина. Белого вина, сделанного из черного винограда. Сказал:

– М-да-с... Как это у Годара: «Вы любите работу или вы любите работать?» Знаешь, кто такой Годар?

– Знаю, кто такой Годар, – передразнила она, разглядывая этикетку.

Он подлил и себе.

– Мне показалось, что там, на углу, в твоем взгляде было много ненависти.

– Твой любимый фильм – «На последнем дыхании»?

Она продолжала невозмутимо разглядывать этикетку.

– Ты слишком образована для своей роли.

Она вдруг спокойно посмотрела ему в глаза:

– Если честно, то в этой роли я делала это в первый раз.

– Зачем? Из-за денег?

Она отвела взгляд и покачала головой из стороны в сторону.

– С некоторых пор я ненавижу мужчин.

Он медленно поставил бокал.

– Кажется, я догадываюсь, почему.

Она молчала. И он вдруг почувствовал, что начинает задыхаться.

– Тебя предали.

Девушка не отвечала. И он продолжил, обращаясь теперь словно бы даже и не к ней:

– Я знаю этих мастеров самообмана... ты любишь его, а он любит ее, а вместе вы любите одну и ту же иллюзию, с которой рано или поздно надо... кончать.

Он нервно засмеялся и вдруг почувствовал в себе какой-то обвал, обнажение чего-то другого, словно бы эти слова, наконец, освобождали проход.

– К чему ты клонишь? – подозрительно спросила она.

Он задержал дыхание:

– У японцев, знаешь... Мужчина и женщина...

Хотел сдержаться, убеждая себя, что это ложь, то, что он так хочет ей сейчас сказать. Нет, даже не ложь, а безумие. То, что он ей сейчас скажет.

Она неестественно щелкнула зажигалкой и закурила.

«Pall Mall».

Он тоже достал и закурил Pall Mall, еще одна попытка стать наконец конкретным, при всем его безразличии к курению.

– Мы курим одни и те же сигареты, – он лихорадочно подбирал слова, втайне надеясь, что она все же не заметит его дрожи.

Она медленно выпустила дым.

– Ты хотел сказать что-то другое. У японцев мужчина и женщина ... что?

И тогда, вновь отдаваясь какому-то тайному мучительному и одновременно сладострастнейшему пороку, он продолжил:

– Мы могли бы встретиться еще раз... *Еще один раз.*

Она замерла. Ему показалось, что он видит, видит ее насквозь и знает, что проникает и что уносит ее все дальше и дальше.

– Не бойся, я бы *обо всем* позаботился.

Раздался длинный и резкий звонок, и они оба вздрогнули, словно бы обнаруживая себя опять в кинозале после того, как кончилось это какое-то безумное и завораживающее кино. И так хочется остаться там, «на экране», не видеть и не слышать того, что – здесь. Хлопанье откидных сидений, обыденные голоса. «Тебе понравилось?» «Мне – да. А тебе?» «А мне – нет». Как будто они что-то крадут у тебя. А ведь это твое и только твое. То с чем расстанешься, в надежде когда-нибудь встретиться.

Оказываясь вдруг за одним столом с сутенером, которому он отсчитал еще тысячу, словно бы за ту вторую, еще не начатую серию. Хотя сутенер и не настаивал.

Потом, проводив их до двери...

«Все же у него лицо палача...»

... он снова вернулся в свою комнату с неубранной постелью, вспоминая ее запах, ее пизду и свои слова. На столе, где все еще стояла бутылка Шабли, два бокала и на блюдечке черный шоколад, он заметил сложенный вчетверо листок. Это был номер ее телефона. Только номер телефона, без имени.

5

««Форекс» как система одиночества. Да, Чина, наверное, я всегда мечтал остаться один. И начать все сначала. Ибо смысла продолжать нет. И я по-прежнему состою из одних начал. Иллюзия как будто тебе по-прежнему двадцать. Проклятье неверно понятых афоризмов. «Быть человеком броска, а не пиршества, его эпилога». Или еще, из того же автора: «Как корабль, неспособный закрепить паруса...» А лучше вот это, из другого: «И кого вы не научите летать, того научите быстрее падать»».

Он засмеялся и запустил Интернет. Соединился с дилинговым. Вышел на Forexworld. Завис и выругался:

«Надо было разоряться на Reuters».

Наконец, выбрав валютную пару, фунт к доллару, открыл недельный и дневной графики, определил линии поддержки и сопротивления. Тренд⁵ был по-прежнему «медвежий». ⁶ Он взял «голову и плечи», построил «neckline» в надежде на прорыв цен. Но «бычьего»⁷ сигнала не было.

Усмехнулся:

«Медведь давно уже созрел для своей смерти. А бык?.. Где же мой Бык?»

Опять, как и вчера, он почувствовал непреодолимое желание сыграть против тренда. «Что-то же должно произойти. Что-то же должно рано или поздно совпасть».

Ему показалось, что он увидел флэт.⁸ Он выставил защитный ордер и взял кредитное плечо, чтобы увеличить выигрыш.

«Пятьдесят или сто?.. Сто».

В одно мгновение, если тренд изменит свое направление, он может из своей одной комнаты, заложенной в этом вонючем американском Ситибанке, получить целых двадцать.

«Или даже тысячу... А тысяча комнат, Чина, в отличие от одной... Нет, все же в «форексе» я играю не ради того, чтобы снова с тобою встретиться... Скорее всего, это последняя возможность ничего и никому не доказывать».

На десятиминутном графике цены шли хаотически. Но он все же решил войти в рынок. Как всегда один и тот же вопрос – с короткой или с длинной? Он выставил уровни Боллинджера. Программа советовала войти в короткую позицию.⁹ Но цена неожиданно пошла вверх. Тогда он открыл метод скользящих средних. Направление явно указывало на покупку. Но проход линии у верхнего Боллинджера сигнализировал о короткой продаже. Методы явно противоречили друг другу. И, как и вчера, Евгений почувствовал, что снова словно бы соскальзывает в какую-то дыру, не зная, за что зацепиться. Он нервно засмеялся:

«Ну же, Боллинджер».

На десятиминутном графике по-прежнему ничего нельзя было разобрать. Продолжался флэт. На дневном, как и на недельном, шел «медвежий». И снова – это мучительное желание сыграть против тренда.

«Если бы только знать *когда*, Чина, то можно было бы выиграть и миллиард. А миллиард разных комнат – это... почти на целое человечество. Сознательные за, а бессознательные – против. Ведь человечество должно же быть разным. Множество разных Чин и множество разных Боллинджеров.

---

⁵ Тенденция; биржевой сленг (прим. авт.)

⁶ Нисходящий; биржевой сленг (прим. авт.)

⁷ Восходящий; биржевой сленг (прим. авт.)

⁸ Неменяющийся; биржевой сленг (прим. авт.)

⁹ Продавать; биржевой сленг (прим. авт.)

– Ставь на Медведя!

– Нет, на Быка!

– В цене японцы!»

Паралич расползлся.

“Вчера ты, однако, проиграл четыре тысячи...”

Его снова бросило в дрожь.

“...баксами... Значит, осталось десять из тридцати”.

Он словно бы на мгновение вернулся к своему телу, осознавая его теперь лишь какой-то странной механической игрушкой. И... и все же передвинул стоп-лосс. Вспыхнула иконка предупреждения о рисках.

Взглянул на записку с *ее* телефоном.

“Да ничего страшного... Пистолет?.. Лучше какие-нибудь таблетки... медленно потеться друг в друге... Голые, да, пусть голые... Неубранная постель... Так и остаться...”

Издевательски засмеялся:

“Похоже, я действительно ебнулся!”

Помедлил и... все же взял завернутую в сафьян колоду Таро. Когда-то на этой колоде гадала и Чина. Евгений снял черную карту с алым защитным пентаклем, зажег свечу и перетасовал.

“... *to the glory of thine ineffable Name. Amen*”.¹⁰

Разложил веером и достал. Девятка дисков. Чьи лица изобразила Фрида Харрис на этих монетах? Внезапно ему показалось, что на одной из них он видит швейцарский франк.

Он выбрал «указанную» картой пару и вошел в рынок с длинной.

---

¹⁰ Во славу твоего невыразимого Имени. Аминь. (англ.)

6

На улице было холодно, и ей захотелось курить. Фантазмы, в которых она представляла себе, как это все будет отвратительно и как ее, наверное, будет потом рвать... Этот горилла-сутенер, отнимающий эти смешные две тысячи, заработанные ею на ее же к себе отвращении. Вот если бы баксами... Но горилла оказался честным. Его чудовищный пистолет, это загадочное и зловещее одновременно: «А чё, бля, с десяти метров три железных стенки в двух рядом стоящих автобусах». И еще это, понятное, почти отеческое: «Ну, на, пизда, держи».

Значит, она теперь пизда.

«Я, Люба, теперь пизда... Так зачем же я все таки это сделала? Ну... на гештальт деньги нужны ... Или?... «Каждая вавилонянка хотя бы раз в жизни должна отдаваться чужестранцу?»»

Пальцы мерзли. Можно было опять распечатать Pall Mall, но лучше уж потерпеть до дома, где можно спокойно скрутить свое. Люба снова словно бы увидела этот громоздкий, черный пистолет. Хорошо, что с сутенером свели по знакомству, обычно, «до панели» пропускают через себя...

Она купила «Квинт». Она любила этот коньяк.

Лечь на ковер и осознать, как медленно согревается твое тело, как, наконец, теплеют кончики пальцев и расслабляется лицо. Скрутить машинкой свою сигаретку из своего любимого табака пополам с марихуаной и наконец блаженно, долго-долго затянуться. Без перчаток. И... пуститься опять в эти бессмысленные и все же в чем-то приятные нанизывания себя на себя... В тепле, в теплой комнате... И сейчас, в самом начале этих, хоть и болезненных, но все же приносящих странное облегчение уколов, прежде всего, сознаться себе в том, что с ним, с этим «первым клиентом»...

«...делать это оказалось хорошо. Но...»

Коньяк зажег, Люба посмотрела на телефон. Как будто тот, с кем она недавно рассталась, сейчас набирал ее номер.

«Чего я хочу?... Не возвращаться к Григорию?».

Она вдруг вспомнила, что гештальт завтра, представила, как они снова, будут сидеть на стульях, покашливая и поскрипывая. В перерывах курить. Это так и называется – «круг».

«Курить, крик, круг...»

Рассказать им все завтра. Все, что так давно хотела рассказать про Григория... А теперь еще и это... Психотерапия так психотерапия. Да, стать прозрачной, как та бабочка *Sesiidae*, вылететь в раскрытое рассказом окно, в этот дождливый сентябрь. Прозрачная чистая бабочка *Sesiidae*, через которую просвечивает грязь мира. Прозрачность как последняя степень мимикрии. Да это просто ваш мир такой, а не я. Рассказать, чтобы, тайно обрадовавшись, они все же ее пожалели. Ее, такую умницу, такую красавицу... Что она оказалась в таком дерьме.

Под названием жизнь.

Она налила еще одну рюмку, прислушиваясь в себе к этому ритмичному, словно бы вырезанному из жести потоку. Этот нанизанный на ритм поток то бессвязных, а то осмысленных ассоциаций. Странная неподвижно бегущая музыка. Какая-то плавающая, то размораживающаяся, то замораживающаяся...

– Струк-тура! – усмехнулась Люба, с удовлетворением переводя это немецкое слово «гештальт».

Она могла бы лечь на кровать. Но предпочла так и остаться на ковре.

«А может быть, ту бабочку зовут не *Sesiidae*? А нужно лишь изменить в этом загадочном слове несколько букв?»

Еще одну рюмочку коньяка и... раздеться. Медленно, перед зеркалом. Нет, лучше перед другими. Это же не так страшно, как перед самой собой, и в этом есть даже какой-то кайф – обнажаться именно перед другими. Так же как и другие потом – перед тобой. Такое вот стриптиз-сообщество.

Как это Григорий сказал Глебу, что он сделал *это*, чтобы посмеяться над своим отчаянием?.. Завтра Люба тоже посмеется над своим.

7

Какая-то циничная эйфория заставила его взять таки в последний момент плечо в сто пятьдесят. И... если бы он вошел в рынок с короткой, то, похоже, никакой квартиры у него больше бы не было. Да и не только квартиры. И лишь какой-то странный зловещий смех, поднимающийся откуда-то изнутри, и еще, конечно, эта карта заставили его таки сыграть против себя самого. И, переменяв пару, на йене он выиграл. Да, вчера он все же смог немного отыгаться. Если перевести в доллары, то получится две тысячи шестьсот шестьдесят. Можно даже снова купить мотоцикл, какую-нибудь подержанную «хонду». Если только забыть о том, что позавчера проиграл четыре тысячи. А всего с начала августа двадцать, несмотря на операции с Таро.

На ночном столике остались сигареты той, что он вчера снял возле Водного. И сейчас, глядя на них, он почему-то подумал, что он заложник идеальной женщины.

“А идеальная женщина, Чина, это смерть”.

Еще он подумал, что, наверное, Кришнамурти был прав. Как это сказано?.. «Ведь у него нет страха, а потому нет и никакой нужды в вере». Да, кажется. Но Кришнамурти, скорее всего, не было нужды в других людях. А ему? Нужны ли ему хотя бы его друзья? Может быть, это их он хочет обыграть в «форексе»?

Он все же попробовал сварить себе кофе. На столике, рядом с сигаретами стояло недопитое Шабли. Машина по-прежнему показывала выигрыш в две тысячи шестьсот шестьдесят. Он вылил остатки вина в бокал и посмотрел на записку с ее телефоном:

“Разве мистика это не есть корреляция событий, причинно никак друг с другом не связанных?”

8

Когда она вошла, они уже начали. Они сидели на стульях и чем-то напоминали ей сейчас клавиши, нажимая на которые можно все же попробовать сочинить свою пьесу.

«Свою счастливую пьесу».

Наверное, так думает и каждый из них. И косоглазая Нина, раба еды. И сиротка Катенька, так лучезарно терпящая гадости от своей начальницы. И орел на тумбочке Горбунов. И монашка Ирина с рыбьим ртом. И перезрелый Умнов. И орангутанг Олечка, которой так трудно научиться говорить людям добрые слова. И Занозина, боящаяся засыпать без телевизора. И бабушкин сынок Васечка. И даже Наталья Авдотьевна Турсун-Заде, у которой «вообще никаких проблем». Иначе, какой в этом во всем смысл, в том, зачем они здесь собираются? Но чтобы сочинить свою счастливую историю, наверное, надо, прежде всего, найти того, кто мешает тебе это сделать.

«Найти его и попытаться...»

Она села на свой стул.

И они назвали ее имя.

– Здравствуй, Люба.

Она дружелюбно и, как всегда, очаровательно улыбнулась:

– Привет.

– Привет.

И бессознательно заметила напротив себя пустой стул, вспомнив о том *клиенте*.

«...и попытаться его убить».

На «горячем» уже сидела Ира.

– Значит... ты хочешь нам сегодня рассказать, как это было? – вкрадчиво начала ведущая, обращаясь к этой маленькой несчастной медсестре.

В помещении вдруг стало как-то особенно и пронзительно тихо. Где-то за окном задрезжал и словно бы погас трамвай. Словно бы какая-то большеголовая птица с огромным уродливым «лицом» на мгновение зависла в воздухе, как-то дико заглядывая через стекло.

«Сейчас попробует умереть монашка...»

Маленькая несчастная девушка, медсестра в какой-то монастырской больнице. Как она подставит сейчас свое незащитное тельце под этот безличный клюв. И как этот клюв, незаметно отклоняясь назад и на мгновение замирая, вдруг сильно и точно ударит, рассекая обманчивые монашеские оболочки и попадая «в самое серебро». Хотя, может быть, и не с первого раза. И придется помучить бедную девочку еще и еще раз. Но рано или поздно клюв все же попадет. Да, попадет. В этого скрытого за строгим глухим черным платьем... Попадет. Зацепит и потащит. И... вот он, коричнево-розоватый, который так не хочет, не хочет вылезать, что аж удлинится до белизны, извивается и рвется, лишь бы заползти, забраться опять туда, хотя бы оборванной частью, туда, где ему так уютно пребывать и покоиться и где он так тихо нашептывает и напевает на голоса – матери и отца, сестер и братьев, дедушек и бабушек, всех пра-пра-пра... напевает-нашептывает на голоса всего безмерного, и слишком уж человеческого, как и почему ты, Ира...

– Люба, ты где? – спросила гештальт-мастер Марина. – Такое ощущение, что ты все еще отсутствуешь.

«Почуяла».

– Я тут.

Как и Марина, она тоже рано или поздно станет мастером. А для начала расскажет свою историю про червяка. Хотя можно было бы попытаться сочинить и совсем другую... И не на терапии, а где-нибудь у моря... под солнцем... и не одной... Можно или нельзя? Ждать

нет больше сил. Зато сейчас, здесь, в этом классе, вместе со всеми, здесь, где на «горячем стуле» замерла эта монашка, можно получить... Получить хотя бы это, пусть искусственное, но зато профессиональное... Если и не наслаждение, то хоть все же – удовлетворение.

Вот она, уже раздетая, жалкая... Можно... нет нельзя... нет можно... нет, еще нельзя... нет, уже можно.

– А сейчас, как сейчас? – незаметно дыша в такт с девушкой, спросила гештальт-мастер.

– Холодно, – жалко поежилась Ирина.

– А сейчас? – доброжелательно улыбнулась.

– Теплеет.

– Прислушайся к своему телу, к своему дыханию. Как там?

– Давит.

– Где?

Девушка помедлила и показала на живот.

– Вот здесь.

– Что это? – вкрадчиво спросила терапевт. – Что давит или, может быть, кто это давит?

– Я... не могу.

– Не бойся... Иди, иди туда, Ира... Иди в свою боль, не бойся, сейчас можно.

– Я...

– Не бойся. Стань ей, стань... Что ты видишь или что ты слышишь?

Девушка опустила голову. И вдруг, тихо и покорно сказала, вновь поднимая лицо, с каким-то невыразимым ужасом в глазах, даже не сказала, а выдохнула:

– Это они.

– Кто они?

– Они...

– Кто? – властно повторила психотерапевт.

Вот она, эта пауза. Говорить или не говорить, признаваться или не признаваться, отдавать, высвечивая свое падение, обнажая свое уродство, делая его зримым, предавая себя, или по-прежнему оставаться невидимым в своей мучительной тайне...

– Братья.

– Они унижали тебя?

Она заплакала.

– Да.

– Как?

– Они... раздевали меня... и... нет... Нет.

Девушка попыталась закрыть руками лицо, но психотерапевт осторожно взяла ее за запястье и отвела, словно бы обнажая и сейчас.

– Ну давай вместе... давай осторожно. Не бойся, здесь же все как бы не люди... Не мужчины... Не женщины... Здесь же группа... Так что... что твои братья с тобой... делали?

– Они... они рассматривали меня.

Остро заточенный клюв словно бы еще слегка отклонился назад и выжидающе замер.

– Как?

Девушка не отвечала, едва справляясь с дрожью. Лицо ее покрылось красными пятнами.

– Ну... они заставляли меня приседать на корточки...

– И?

– И рассматривали...

Она замерла.

– Что? – спросила психотерапевт.

– Подмышки.

– Подмышки?

– Да, сначала подмышки... Они заставляли меня поднимать руки и рассматривали подмышки.

– А потом?

Клюв словно бы слегка заблестел.

– Ну... они заставляли меня... разводить колени... и...

– И?

– И рассматривали... в зеркале.

– Как это в зеркале?

– В большом зеркале... В зеркале из ванной.

– Из ванной?

– Да, – густо покраснела девушка и попыталась опять прикрыть ладонями лицо. Но психотерапевт опять осторожно и властно отвела ее руки. Ирина опустила голову, и словно бы положила ее на лоток:

– Они снимали зеркало со стены и клали его на пол, а потом... потом они заставляли меня раздеваться и... присаживаться... над ним, над этим зеркалом...

Она подняла голову, в глазах ее блестела мучительная и одновременно сладостная усмешка.

Вот она, маленькая голенькая, почти ребенок, но все же женского пола, присаживающаяся над зеркалом. Как она в нем отражается. Сидит над собой на своих узких маленьких ступнях. Словно бы парит в воздухе. Вверх и вниз. Невинное эротическое существо с двумя головами и с четырьмя крыльями-ляжечками... О, эти два близко-близко друг к другу аккуратно расправленных аленьких... И эти ее широко раскрытые детские глаза, взгляд – страдающий и в то же время наслаждающийся своим неизбытым, сладким, прожигающим себя самое.

Подобно ножу клюв медленно и тяжело пошел вниз, бесстрастно и безлично наказывая...

Ира заплакала. Тельце ее затряслось, и еще долго и беззвучно трепетало. В зале было тихо. Никто не двигался. Только психотерапевт, неслышно достав из своей тяжелой черной сумки какую-то огромную желтую салфетку, осторожно положила ее перед девушкой.

– Видишь как... Вот, да... Возьми... Сейчас, сейчас уже завершаем... Ну не прячь, не прячь лицо, не прячь... Сядь-ка, нет, не на стул... Не бойся, ну не бойся... Да, вот так... Да, на корточки... Не бойся, это уже в последний раз в жизни... Да, как тогда... Вот так. Ну же, не дрожи! Сейчас все исчезнет... Разведи колени. Шире... Шире, я сказала! А вы – да ты, ты, да и вы – смотрите... Тише!.. А теперь представь, что это твои братья.

Бедная маленькая запуганная монашка. На корточках. Эти ее рыдания...

– Ну, крикни!.. Выкрикни! Вырви криком! Ира, ты слышишь меня?! Крикни им, чтобы перестали смотреть!

Задрожала... Дикий, конский какой-то хрип... Какой-то зловещий разрывающий горло хохот. Брызнули слезы. Подняла руки. Размазала тушь... И...

И наконец этот нечеловеческое, звериное:

– Прости-и меня, Господи!

Она вдруг бросилась, ударила головой в стоящий рядом с Любой пустой стул и упала...

Через полчаса, придя в себя, Ира уже стояла в коридоре рядом со своим пастырем, благодарная, как собака. Сильные линзы мастера невозмутимо поблескивали.

«Ирина, ко мне! – еле слышно усмехнулась Люба сама себе. – Еще бы посоветовала ей съесть пиздой этих своих братьев ... Бред... Сначала соблазнить невинностью... затем – монашеством... Если не дано... Так лучше уж унести с собой свою смерть...»

9

Нажать на кнопку и услышать щелчок, увидеть, как вспыхивает голубое, как в правом верхнем углу завертится серое, и как по черному белым побегут слова. Слова команды... Как, наконец, загрузится WINDOWS. И как безличный, исполненный неумолимой точности прибор начнет, наконец, набирать телефонный номер.

Модем соединил компьютер с диллинговым. Пробежав пальцами по клавиатуре, Евгений снова вышел на Fogeworld. И начал, как и всегда с правила Элдера, с правила трех мониторов. Просмотрел парные котировки, прямые и обратные, по отношению к доллару. И снова взял йену, подчиняясь тайной игре предчувствий. Взглянул на бессмысленные осцилляции цены и почувствовал все то же, тупое, поднимающееся из глубины замешательство. На пятнадцатиминутном по-прежнему висел коричневый шум.

«Поклодовать на Таро или все же опереться хоть на какой-нибудь метод? Боллинджеры, скользящие средние, волновой анализ Элиота...»

Он взял было с полки завернутую в сафьян колоду и вдруг поймал себя на странном чувстве, что сегодня хотел бы остаться свободным и непредвзятым в игре.

«Чтобы не зависеть от Чины».

– Японские свечи! Раз уж играю на йене. Ха-ха! – Проговорил вслух и усмехнулся от своего единственного лица.

Он открыл метод японских свеч и вывел список фигур. Зеленая свеча – рост курса, красная – его падение. пробежал названия диаграмм: «Вечерняя звезда», «Длинноногий дожи», «Брошенный младенец»...

– Как, однако, красиво!

Стал открывать, одна за одной диаграммы. Стал сравнивать с тем, что хаотично бежало на графике. В какой-то момент ему показалось, что бессмысленный боковой тренд постепенно сходит на нет и в основании намечается разворот. Он почувствовал легкую дрожь и стал подбирать фигуры. Та из них, что легла легче других, называлась «Просвет в облаках». Он усмехнулся. При нисходящем тренде за длинной красной свечой был ясно виден разрыв, и падение вниз на открытии следующей сессии казалось неоспоримым. И даже эта сессия завершалась сильной зеленой свечой с ценой закрытия выше середины тела предыдущей красной.

Какой-то радостный и одновременно безжалостный импульс, словно бы уже проламывал, наконец, корку паралича, сдавливающего его все эти дни. И, словно бы вдохновляясь этой ясной и неумолимой праздничной мощью, Евгений стремительно вошел в рынок с короткой.

Он решил поставить почти все, что осталось, взяв кредитное плечо в двести.

И, словно бы подчиняясь какому-то другому, неумолимому и беспощадному закону, цена медленно поползла... вниз. Евгений не поверил своим глазам. Как будто на него уже обрушивалась гора, и оставались только какие-то считанные миги, чтобы успеть выбраться из-под этой рушащейся на него громады. Он стал судорожно подставлять диаграммы, оставшиеся в списке, в последней попытке угадать, что же это за фигура так зловеще проступает напоследок из хаоса. Замигала иконка предупреждения о рисках. Раздался звуковой сигнал. Но он все продолжал и продолжал мучительно и бессмысленно подставлять. И вдруг понял, что надо же успеть продать, пусть в полный минус, но... Но было уже поздно. Подчиняясь закону неумолимого среднего, цена падала. И маленькое красное свечное тельце уже злорадно отбрасывало длинную и темную безжалостную тень...

Диаграмма называлась «Повешенный».

10

Собственно, было три возможности уйти, три, не считая мучительных. Застрелиться. Украсть у сутенера пистолет и выстрелить себе в голову. Наверное, это самое прекрасное. Яркая вспышка... Обрыв ассоциаций. Остановка образов. Просветление. И завершение. Вот и весь гештальт. И не нужно никакого круга. Никогда больше не думать, не представлять, как ее муж делает это с другой, как он с наслаждением входит в тело другой и как он в ней оживает. И как потом мучительно возвращается сюда, бледный и сам себя ненавидящий и ложится с ней, со своей женой, и отворачивается к стенке, и как потом возвышенно пишет в файле Livejournal,¹¹ что любит их обеих, зная, что она обязательно прочтет... Или второе – выпить таблетки, что-нибудь из цианидов, натошак... Нет, таблетки – это, наверное, слишком медленно. Захочется вернуться из этой постепенно размягчающей и засасывающей мглы. Пока не поздно. А будет поздно. Тогда, может быть, третье? Украсть у отца ключи, открыть и завести машину, выехать на загородное шоссе и заскользить все быстрее и быстрее под влажным (и в то же время сухим) взором сверкающей Луны. И, наконец, врезаться. В опору моста, в налетающий КАМАЗ, в поезд, в дом, в железобетонную стену, в цистерну с нефтью... А лучше всего в кровать... В их кровать!

Она, наконец, почувствовала облегчение.

«Да, эти три – самое реальное. Хотя каждый раз надо что-то украсть – пистолет, ключи, таблетки... Смерть надо украсть... Как будто нельзя самой. Например, утопиться... Опускаясь под воду, попытаться дышать водой, кашлять, задыхаться. Пугаться, выбрасываться наверх, отхаркиваться, взмахивая руками, как в спортзале, давиться и снова туда, вниз, снова, рыдая, медленно погружаться. И вдыхать... всей грудью... вдыхать. Грязная холодная вода, чужие окурки, отклеившиеся этикетки. Как все это поплывет в рот, в легкие. Отвратительно... Лучше уж удавиться. Да, грубая шершавая, обдирающая шею, но зато надежная веревка. С твердым давящим за правым ухом узелком. На память. Нет... Как-то подло и вульгарно, как будто казнят. Так же кончают с собой какие-нибудь уборщицы или кухарки... Хотя Цветаева... Уж лучше газом. Тоже гадко... В него же добавляют что-то отвратительное, для запаха. И потом опять же – сидеть на стуле. Как ингаляция. Будет тошнить, будешь думать о газовых камерах, будет рвать. Даже не смочь остаться в эти последние минуты наедине с собой. И так и умереть, как бы из солидарности. Нет, это уж слишком социально. Одной, так одной, не досиживая вместе со всеми...»

Круглая, безумная луна заглядывала в окно, заглядывала в глаза, болезненно и в то же время сладко. Луна словно бы удивлялась. Медленно вращаясь, наливаясь алмазным светом... Ассоциации за ассоциации. Мысли за мысли. Бред за бред. Люба лежала в постели одна. Григорий опять не пришел ночевать.

«Мы могли бы встретиться еще раз... Еще один раз... Не бойся, я бы обо всем позаботился».

Она откинулась на подушку и усмехнулась. Она же помнит адрес и знает дорогу. И если он не позвонит, она придет, придет к нему сама.

«Я же и есть его и своя... смерть».

Ее глаза, в которые переливалась сейчас эта горькая алмазная Луна, исполненная какой-то сладкой освобождающей мести... Как он будет ее ебать... Как тот черно-белый офицер... Как тот великий и могучий... Как он будет ее ебать в последний раз... С широко закрытыми глазами... Огромное, алмазное, начинающееся и начинающееся. Приближаю-

¹¹ Элитарный Интернет-журнал, где можно выкладывать свои дневники.

щееся и приближающееся. Издалека и изнутри... *La petit mort*...¹² Не случайно же французы именно так говорят *об этом*... Потому что, потому что... Нет другого пути. Ведь она же больше не хочет жить так. Ибо круг, на котором она хотела рассказать, – это всего лишь повторение. Рассказать другим – это всегда всего лишь повторение.

---

¹² Маленькая смерть (фр.)

11

«Скажи, а ты мог бы убить себя?»

Черный стол, черная этикетка с надписью «Nemiroff», ухмыляющийся официант. Евгений посмотрел на черные стены, желтый потолок, черный пол и заказал себе еще пятьдесят. Борис должен был подойти к четверем. Свет исходил от белого экрана, на котором плясал какой-то бессмысленный компьютерный мультфильм.

Они были друзьями еще с университета. И ему даже иногда казалось, что он был единственным, кого Борис любил на самом деле, хотя, быть может, было и что-то нехорошее в этой любви. Евгений был на несколько лет младше Бориса, только поступил в университет, когда Борис был уже на пятом курсе.

Увидеть его лицо, как когда-то, много-много лет назад. Одутловатое, изъеденное оспинами лицо с водянистыми, как у бешеного быка глазами мутными от крови и прозрачными одновременно. В каком-то неясном скорбном желании пострадать. И в то же время нанести последний удар. Вырваться из этого цирка... Нагло заявить всем, что предпочитаешь оставаться один. Единственным и неповторимым.

Сейчас, сидя в этом черном баре, он почему-то вспомнил, как, еще не познакомившись, он часто видел Бориса на лестницах, где тот всегда так загадочно курил. Борис окончил какую-то элитарную спецшколу, причем не просто, а с золотой медалью, и все знали, что его отец – адмирал. Да, Борис был звезда, это знали все, но он сходил далеко не со всеми... Сидя здесь, в этом черном баре, Евгений вспоминал сейчас те времена, когда еще был зеленым птенчиком, когда жизнь еще только открывалась. Как заходил к Борису в комнату в общежитии, где тот жил еще с тремя монстрами. Они слушали Doors и King Crimson еще тогда, двадцать с лишним лет назад. В ванной были аккуратно развешаны выстиранные презервативы, длина которых производила на Евгения просто парализующее какое-то воздействие, словно бы это были не просто самые длинные и самые толстые в мире презервативы Баковского завода, а специальные презервативы для быков или коней. Потом, правда, он узнал, что Борис сотоварищи их специально вытягивали с помощью горячих гирек, чтобы поразить воображение посетительниц... Тогда, на первых курсах он был буквально загипнотизирован Борисом, говорил его фразочками и даже копировал его повадки. Он был просто болен Борисом, так он его любил. Он был им пропитан, им и только им. И не только его образом мыслей, а словно бы уже и всей его физиологией. Казалось, даже появились оспинки на лице и еще – этот странный, мученический какой-то отсвет в самой глубине глаз, когда он, подобно своему кумиру, взглядывал на себя в зеркало.

«Скажи, а ты мог бы убить себя?» – спросил как-то странно его однажды Борис.

Наверное, Борис хотел, чтобы и он был такой же сильный и безжалостный, и потому влезал в него, надевал как перчатку, так, что он чувствовал себя им во всем, каждый день ловя себя на разных мелочах, до смешного.

«Но он и в самом деле любил меня».

Вспомнить Ялту, тогда они приехали в марте и чтобы доказать ему, что он, Борис, – его лучший друг (когда Евгений в шутку попросил его об этом), он просто зашел в море по пояс в своих кожаных брюках. Вода была еще градусов семь...

– Привет, Джинн!

Борис появился из-за спины.

Он пожал Евгению руку и грузно сел, расстегивая на животе молнию кожаной куртки. Официант принес пятьдесят.

– Ты будешь? – спросил Евгений, кивая на рюмку.

– Нет.

Тогда сказал:

– Принесите, пожалуйста, сок.

Официант кивнул.

«Скажи, а ты мог бы...»

– Взять себе «Форд», – сказал Борис, как всегда сознательно строя фразу не так, как другие, – я решил тут на днях себе... Новый. Супермашина, сто тридцать сил, охлаждаемый перчаточный ящик, подушки безопасности!

Евгений молчал.

– За девятнадцать. Надо было, конечно, за двадцать девять, там аж двести двадцать пять лошадей!

«Скажи, а ты мог бы...»

И вслух:

– С подушками безопасности?

– Да – супер! Передняя и боковая. И для водителя, и для пассажира. Надуваются мгновенно. Выручают на девяносто процентов. И всего-то штука баксов. Вообще и на этом наворотов хватает. Там даже система предотвращения травмирования ног, ха-ха, внутренние фонари с затуханием в «театральном стиле», о-оо! Да это все цветочки. Экстренное торможение там – это да, это просто класс, а комп бортовой...

Фразы Бориса летели, как бильярдные шары, расстреливаемые один за другим по лузам. Евгений напрягся:

– Скажи, а ты мог бы... дать мне тысяч пять долларов в долг?

Борис ухмыльнулся:

– А на что тебе?

Посмотрев в сторону, Евгений сказал:

– Я проиграл в «Форексе»... квартиру.

Борис не отвечал.

– М-да... лихо, – сказал, наконец, он и спросил: – Как это тебя угораздило?

– Да, вот так.

– Целиком?

– Почти.

Борис молчал. Потом сказал:

– Знаешь, я бы дал... если бы не этот «форд», вбухал в него, понимаешь, сейчас последнее... Но как же быть... Может, у Славы?

– У Славы нет.

– Да, у Славы, конечно, нет. Но, может, у Победина? Он стал президентом банка. Я сам могу ему позвонить и спросить. Для тебя.

– У этого комсомольца? Нет, не надо... – Евгений посмотрел на часы. – Как-нибудь выкарабкаюсь.

И перевел тему.

Они поговорили еще с полчаса. О том, о сём. Говорил в основном Борис. Трудные времена, пытается поднять еще один магазин, в общем-то арт-проект, спонтанность покупки, разрешите себе купить, смысл жизни в трате, потлач, древняя цивилизация индейцев. Да только кому оно сейчас нужно, искусство...

– Мне, вообще-то, уже пора, – с трудом наконец выговорил Евгений.

– Куда?

– В театр.

– С Чиной? – как-то странно спросил Борис.

– Нет... Не с Чиной.

Вихрастый ухмыляющийся официант принес счет, с любопытством заглядывая им в глаза. На экране мелькал клип, огненная ящерица била хвостом, в попытке оторваться.

«Форд» и в самом деле оказался супер. Серая обивка, подогрев сидений... У метро Борис показательно затормозил, прижимая к тротуару отчаянно сигнализирующую «шестерку». Он сказал, что до первого попробует что-нибудь придумать и обязательно перезвонит. До первого, потому что первого он улетает в Америку.

Спустившись в метро и проходя мимо театральной кассы, Евгений остановился. Он немного постоял, разглядывая афишу, а потом купил два билета. На второе, потому что первое, как ему сказали в окошечке, уже послезавтра.

Засыпая, он вспомнил Ялту и тот холм над морем, тогда еще только зацвел миндаль, и слепые мальчики из интерната шли парами. Учитель объяснял им, как выглядит это дерево. Они мяли лепестки цветов, близко поднося их к лицу и вдыхая их запах...

Засыпая, Евгений подумал, что все время искал другую жизнь. Что ему все время казалось, что он словно бы еще и не родился.

12

«Может быть, Чина, это только я был такой? Раньше я боялся даже думать о смерти. Никто не знает, что это за игра. Боялся, как бы себе не наговорить, не накаркать. А теперь... Чина, почему? Когда же я впустил ее в себя, все еще пытаюсь надеяться, что нет. Что просто во мне есть некто, кто как будто бы хочет в это лишь поиграться. Или я раздваивался с тайной надеждой так ее обмануть? В юности мне казалось, что я рожден для величия, для славы, для власти. Я писал стихи... Мне казалось, что у меня есть нечто такое, что они, люди, должны рано или поздно увидеть, узнать... что оно у меня есть... что я обладаю... И ведь я же не обязан им это все время предъявлять... Я могу, я даже имею право предъявить им это только один раз... Не знаю, как объяснить... Важно, что это у меня есть... Вот почему они должны оставить меня в покое... Если бы только кто-нибудь им об этом намекнул, хм... Как, например, скажут про кого-нибудь: «Вот этот человек – убийца». И все и будут видеть в нем убийцу. И будут его бояться и обходить стороной. И перестанут затягивать в свое людское болото. В трату себя... Конечно, лучше бы сказали, что некто... демиург! Ха-ха! Да, демиург, вот такое, удивительное, хотя и почему-то давно забытое словечко. И потому оставили бы его в покое, чтобы не мешать. Пусть делает, как хочет. Большинство же в демиургах, как, впрочем, и в убийцах, ничего не понимает. Как это на самом деле. И как часто. Как это происходит. А сам демиург, как и убийца, при всем своем желании не сможет им этого наглядно показать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.